

УДК 821.161.1

Л.Н. ТОЛСТОЙ И А.М. ДОБРОЛЮБОВ КАК КРИТИКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ИСКУССТВА

А.Н. Тушев

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Л.Н. Толстой особенно в поздний период жизни был известен своим неприятием современной ему культуры. В статье рассматриваются ключевые моменты толстовской критики, которая направлена на сложившийся к тому времени комплекс социальных и культурных представлений и институтов. Л.Н. Толстой отвергает пользу, которую приносит человечеству прогресс, если она не способна повлиять на самую важную, с его точки зрения, сферу жизни человека – религиозную. Писатель противопоставляет религиозное мировоззрение искусству и науке, а цель человеческой жизни видит в соединении с другими. С этой позиции Л.Н. Толстой критикует искусство, науку, государственные институты и власть. Сходные с толстовскими мысли можно обнаружить у А.М. Добролюбова (1876 – ок. 1945) – бывшего декадента, порвавшего с богемным образом жизни и основавшего собственное учение и мистическую секту. Свои взгляды он изложил в сборнике «Из книги невидимой» (1905). В статье проанализированы причины, заставившие Л.Н. Толстого признать духовный авторитет А.М. Добролюбова и сказать о нём «христиански живущий человек».

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, А.М. Добролюбов, русский модернизм, критика современной цивилизации, критика науки, религиозное мировоззрение

При обращении к теме восприятия Л.Н. Толстым представителей модернистских течений в русской культуре обращает на себя внимание тот факт, что Толстой, обычно довольно нелицеприятно отзывавшийся о литераторах – приверженцах новых тенденций в искусстве, выделял среди них личность Александра Михайловича Добролюбова (1876 – ок. 1945). Факт этот неизменно поражает, если учитывать утрированно декадентский образ Добролюбова, который сам поэт сознательно культивировал¹. Толстой, однако, оценил Добролюбова, когда тот уже оставил декадентские увлечения и ушёл в народ – опростился. Решительный шаг А.М. Добролюбова, покинувшего декадентские салоны ради скитаний и проповеди, стал вехой на его жизненном пути. В чём-то эта особенность его биографии сопоставима с резкими переломами, которые испытал в своей жизни Л.Н. Толстой. Самостоятельное исследование биографии

¹ Очерк биографии и творчества А.М. Добролюбова представлен в работе К.М. Азадовского [1]. Е.В. Ивановой освещены взаимоотношения Л.Н. Толстого и А.М. Добролюбова в контексте их взглядов на искусство [2], а также рассмотрен ранний, декадентский период жизни и творчества Добролюбова [3]. В новейшем издании текстов Добролюбова (2005) считаем необходимым выделить статью А. Кобринского [4].

и творчества Добролюбова не входит в сферу нашего внимания, в настоящей работе он интересует нас через призму взаимоотношений с Толстым и, шире, диалога Толстого с современной ему литературой. Сама фигура А.М. Добролюбова привлекает нас исключительно в силу отмеченного противоречия – внимания Л.Н. Толстого к фигуре бывшего декадента.

Прежде всего подчеркнём, что весьма высокой оценки со стороны Л.Н. Толстого удостоился не тот А.М. Добролюбов, который, по свидетельствам современников, курил опиум, оклеил чёрными обоями свою комнату и чьи стихи вызывали неприятие даже среди некоторых символистов (см. [2, с. 304]). Толстого посетил Добролюбов, объехавший пол-России и являвшийся создателем собственного учения и мистической секты с внушительным числом последователей, именовавшихся «добролюбовцами», или «братками»². Так что же объединяло бывшего декадента и яснополянского старца? Что заставило Толстого, впервые посетившего Добролюбова, сказать о нём «христиански живущий человек. Я полюбил его» (Т., 54, с. 191), а после смерти А.М. Добролюбова заявить, что он «огромное влияние имел и не мог не иметь» (ЯПЗ, 4, с. 216)?

Л.Н. Толстой был признан, особенно в поздний период своей деятельности, как критик современной ему цивилизации – комплекса сложившихся культурных и социальных представлений и институтов. Осуждением уродливых форм, которые принимала оказавшаяся на рубеже веков в тупике цивилизация, пронизаны многие страницы дневника Толстого. Так, в записи от 12 мая 1910 г. он отметил: «Как легко усваивается то, ч[то] называется цивилизацией... <...> ...Побольше железн[ых] дорог, академий, фабрик... партий, парламент[ов] – и готов самый цивилизованный народ. От этого-то и хватаются люди за цивилизацию, а не за просвещение... Первое легко, не требует усилия и вызывает одобрение; второе же, напротив, требует напряжённого усилия и не только не вызывает одобрения, но всегда презирае[мо], ненавидимо большинством, п[отому] ч[то] обличает ложь цивилизации» (Т., 58, с. 50). Толстой противопоставляет неприемлемым для него проявлениям цивилизации просвещение и разум – мировоззренческие категории, остававшиеся значимыми для писателя на протяжении всего пути³.

Л.Н. Толстой не видит смысла в плодах, которые приносит человечеству прогресс, если они не способны повлиять на самую важную, по мнению писателя, сферу жизни человека – религиозную. Именно на этом и основывает он свою критику новейших достижений цивилизации: «...Электричество, железн[ые] дороги, телеграф, печать развращают всех. Все усваивают, не могут не усваивать всё это и все одинак[ово] страдают, одинак[ово] вынуждены изменить свою жизнь, все поставлены в необходимость изменить в своей жизни главное – понимание жизни – религию. <...> ...А продолжать жизнь зачем?» (Т., 58, с. 47–48). В дневнике на протяжении многих лет Толстой обрушивается с критикой на успехи в различных сферах человеческой культуры, не способные, с его точки зрения, изменить жизнь к лучшему и только отвлекающие от насущных проблем, которые он видел в стремлении обрести подлинно религиозное понимание жизни.

² См. http://az.lib.ru/d/dobroljubow_a_m/text_0130.shtml.

³ О влиянии на Л.Н. Толстого философии эпохи Просвещения см. [5, с. 14–17].

Этим и объясняется толстовская ирония по поводу широко распространённого среди прогрессистов представления об отсталости русской жизни. Такая мысль может показаться парадоксальной, учитывая, что её высказывает человек, много сил отдавший делу просвещения, образования и воспитания: «“Мы отстали”. Слава Богу, что отстали, т. е. народ отстал, не развратился ещё и, может, вы[ве]дет нас, развращённых уже, на верную, спасительную дорогу всеобщего равенства, при к[отором] только возможна любовь» (Т., 57, с. 169).

Условием состоятельности человека Л.Н. Толстой считал религиозное мировоззрение, которое им противопоставляется искусству и науке. Так, 1 июня 1904 г. он пишет в дневнике: «Человек, взрослый человек без религиозного мировоззр[ения], без веры, есть духовный, нравственный калека, он может делать то, что свойственно человеку, может жить только благодаря искусственным приспособлениям: забавы, искусство, похоть, честолюбие, корыстолюбие, любопытство, наука. И такой человек – как и калека – всегда во власти всех, с ним можно сделать всё, что хочешь» (Т., 55, с. 43).

Цель человеческой жизни Л.Н. Толстой видел в том, что он называл *соединением* с другими: «В жизни же его [сознания. – А.Т.] работа проявляется стремлением к единению со Всем. <...> И к едине[нию] со всеми существами прошедшего, настоящего, будущего стремится человек» [Т., 55, с. 15]. К такому же итогу писатель привёл и Пьера Безухова, осознание которым мысли о единении и соединении знаменует его выход из нравственного тупика: «“Самое трудное... состоит в том, чтоб уметь соединять в душе своей значение всего. Всё соединить? – сказал себе Пьер. – Нет, не соединить. Нельзя соединять мысли, а *сопрягать* все эти мысли – вот что нужно! Да, *сопрягать надо, сопрягать надо!*” – с внутренним восторгом повторил себе Пьер, чувствуя, что этими именно, и только этими словами выражается то, что он хочет выразить, и разрешается весь мучающий его вопрос» (Т., 11, с. 294).

Среди проявлений современной цивилизации Л.Н. Толстой особенно критикует науку, оставляющую без ответа вопросы, которые не дают покоя как самому писателю, так и всему человечеству. В дневнике 8 ноября 1907 г. он отмечает: «Отчего неразумны так называемые – образованные? От того, что головы их набиваются ненужными пустяками, выдаваемы[ми] им за самое важное» (Т., 56, с. 78). Другая, ещё более резкая запись сделана 21 июля 1910 г.: «Наука – это богадельня, или скорее поприще успеха среди толпы, открытое для всех самых умственно и нравственно тупых людей. Занимаясь наукой, он может не сознавать того, что он делает, считая букашечки или перечисляя книги и, выписывая из них, что подходит под избранную тему, может или ничего не думать, или выдум[ыв]ать в том безжизненном, никому ни на что не нужном, соображении какую-нибудь теорию и быть вполне уверенным, что он делает самое важное на свете дело»⁴ (Т., 58, с. 82).

Не принимает Л.Н. Толстой также государственные институты, власть с их стремлением подчинить себе человека и регламентировать его жизнь: «Суеверие устроительства, как всякое суеверие, делает то, что то, во что верят, уже считается не подлежащим обсуждению. Так, в государстве говорят о свободе,

⁴ Пунктуация сохраняется в соответствии с оригиналом. – А.Т.

не позволяя себе касаться вопроса государственного устройства, которое всё противно самой первобытной свободе» (Т., 44, с. 27). Отвергает бывший студент отделения права и софистику, и догматизм юридических норм, резко нападает на суд и право собственности.

Мысли о бесплодности современной, разъединяющей людей цивилизации, сходные с толстовскими, нашли своё отражение в третьем сборнике А.М. Добролюбова «Из книги невидимой» (1905), который был создан поэтом уже после разрыва с богемным образом жизни. Данный сборник открывается разделом «О языке без хитрых и учёных слов» с подзаголовком «Предупреждение к называемым образованным людям». Здесь А.М. Добролюбов даёт резкую отповедь сухой образованности, противопоставляя её духовной жизни человека, и приходит к принципиально важной и для Л.Н. Толстого мысли о *соединении* как необходимом условии состоятельности человека, наделяющем высшим смыслом в том числе науку и искусство: «Я человек, воспитанный в называемом образованном обществе, но Бог поставил меня на другую дорогу. <...> Живя среди всеми презираемых людей я услышал их простой глубокий язык и увидел, что он может высказать всё так же и ещё лучше, чем сухие слова образованных. <...> Соединенье, соединенье – вот слово, которое я нашёл в народе. Вместо разделенья соединенье всего, вместо сухого рассудка всеобъемлющее духовное устремление, вместо изученья частей, вместо рабства отдельных частных наук – вера, всё творящая, дающая место своё и изучению видимого мира, и делу, и телесным трудам, но главное – соединенье и вера. И тогда только наука частей становится не идолом, а только таким же необходимым и неглавным делом, как всякое полезное ремесло. А то, что вы называете творчеством и искусством и красотой, что вы так обожаете, этот творческий дух и без ваших дрожащих забот наполняет весь мир и творит только в храме и жизни, а не в мёртвых стенах» (Д., с. 3–4). Л.Н. Толстой в своём неприятии поверхностной образованности не был столь радикален: до последних дней жизни работал над составлением «Круга чтения», возлагал надежды в плане просвещения народных масс на издательство «Посредник».

Развёрнутую критику науки, образования и искусства, проводимую с позиции духовного авторитета, даёт А.М. Добролюбов в «Письме в редакцию “Весов”», вошедшем в «Книгу невидимую». Пункты письма, имеющего подзаголовок «Против искусства и науки, последнее слово бывшим единомышленникам», говорят сами за себя: «Против романов», «Против стихов», «Против науки», «Против живописи и ваянья и архитектуры или строительного искусства», «Против представлений или театров», «Против образования без веры и против всей мёртвой науки». Подобно Толстому, отвергает Добролюбов и утвердившиеся в социальной практике юридические установки. Например, в отрывке «Восхваление нищего жития» он отрицает право собственности. Оставив городскую жизнь, Добролюбов существенное место отводит развенчанию урбанистического мира.

Важной составляющей критики Л.Н. Толстым цивилизации было неприятие им современного искусства как порождения этой цивилизации и обслуживающей её инстанции. Наиболее полно эта критика нашла своё воплощение в трактате «Что такое искусство?» (1898). Ко времени его создания Толстой

был уже всемирно признанным классиком не только со стороны рядовых читателей, но и официальных институтов: так, ещё в 1873 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук. Л.Н. Толстой сам был частью современного литературного и культурного процесса и, более того, являлся в известном смысле «лицом» не только русской, но и мировой словесности. Таким образом, атака Толстого на современную ему культуру была предпринята изнутри самой культуры, с позиции не наблюдателя, но активного её деятеля. Важно подчеркнуть, что, критикуя искусство, Л.Н. Толстой не отвергает его, не принижает его значимость для жизни людей, а лишь констатирует плачевное состояние оказавшейся, с его точки зрения, в тупике современной цивилизации, следы упадка которой он находит в литературе, музыке, театре и живописи: «Становясь всё беднее и беднее содержанием и всё непонятнее и непонятнее по форме, оно в последних своих проявлениях утратило даже все свойства искусства и заменилось подобиями искусства».

Мало того, что, вследствие своего отделения от всенародного, искусство высших классов стало бедно содержанием и дурно по форме, т. е. всё более и более непонятно» (Т., 30, с. 111–112). К слову, А.М. Добролюбов в своих скитаниях по России занимался в том числе и собиранием народных песен⁵.

Итак, если *писатель* Л.Н. Толстой не находил в современном искусстве содержания, которое соответствовало его требованиям, то порвавший со своим *литературным* прошлым А.М. Добролюбов отвергал искусство как таковое. Намеренно пишущий с позиций не литератора, но авторитетного современного пророка, Добролюбов полагал, что творческая энергия должна находить своё воплощение в первую очередь в религии, а не в искусстве. Позиция Толстого в данном случае прямо противоположна: он считал, что религиозная составляющая творческих исканий должна быть положена в основание искусства, что она порождает его художественное содержание.

Даже став для многих людей учителем жизни, Л.Н. Толстой не перестал быть *литератором*, тогда как для А.М. Добролюбова было важно максимально резко и эксплицитно оформить свой разрыв как с миром вообще, так и с *миром литературы* – одной из его составляющих, что выразилось в той резкой отповеди искусству как таковому, предпринятой в письме, обращённом к редакции «Весов»⁶. Значимость словам Толстого придавал окружавший его ореол живого классика и общепризнанного духовного авторитета, Добролюбову же для этого были необходимы резкая форма самовыражения, самоутверждения и репутация человека, порвавшего со своим прошлым, отринувшего суету современного мира и ушедшего в народ, а потому считающего себя вправе проповедовать среди бывших единомышленников.

Л.Н. Толстой неоднозначно отзывался о «Книге невидимой». По свидетельству Д.П. Маковицкого, писатель заметил, что «у него [А.М. Добролюбова. –

⁵ Об опрощении А.М. Добролюбова, а также о его творчестве в контексте русского примитивизма см. монографию Н.Ф. Федотовой [6, с. 115–125], в которой автор уделяет внимание роли Л.Н. Толстого в развитии примитивистского искусства в России [6, с. 40–60].

⁶ Разумеется, ситуация была сложнее, и окончательно с литературой ни А.М. Добролюбов, ни Л.Н. Толстой не порывали. Так, Добролюбовым в 1903–1904 гг. был подготовлен сборник «Мои вечные спутники», Толстой же, в свою очередь, после всех своих резких отповедей, посвящённых литературному труду, продолжал писать художественные произведения до конца жизни.

А.Т.] есть какая-то искусственность... Вот опять эта его книга. Написать так, и написать после того, как он стал уже другим, это – я не знаю... Если хочешь писать, то пиши так, чтобы все могли понять тебя... Но, что же делать, может быть, это свойство его натуры» (ЯПЗ, 2, с. 372). Спустя год, 18 мая 1908 г., Толстой, высоко оценивая *личность* и *значение* Добролюбова, уже более резко выскажется о его книге: «О Добролюбове, кроме хорошего, ничего не знаю... <...> Ничего не понимаю... Чепуха... <...> Это слова, имеющие значение для посвящённых, а для непосвящённых, нас, не имеет значения. <...> Лучше помнить милого Добролюбова в лаптях и хорошее влияние имеющего на людей» (ЯПЗ, 3, с. 92).

Так в чём же заключается секрет притягательности для Л.Н. Толстого личности А.М. Добролюбова? Мы полагаем, что в свойственном им обоим стремлении и умении оказывать воздействие на людей. Отсюда присущий как тому, так и другому пафос проповедника, умеющего «заражать» и объединять вокруг себя людей. Вполне осознавая своё огромное влияние на современность, Л.Н. Толстой увидел в покинувшем среду декадентов А.М. Добролюбове человека, сполна обладающего подобными качествами. Не во всём соглашавшийся с ним, он, однако, не мог не отдать должного той силе, которую имел «молодой старец». И, наконец, Толстого, по всей видимости, существенно привлекало в Добролюбове то, что последний на практике реализовал такие заветные помыслы писателя, как разрыв с привычным кругом и уход к народу.

Проблема взаимоотношений Л.Н. Толстого и А.М. Добролюбова, разумеется, не исчерпывается рассмотренными нами вопросами. Помимо *точек соприкосновения*, на которые мы попытались обратить внимание, между ними существовали и серьёзные расхождения, что, безусловно, должно быть предметом отдельных исследований.

Источники

- Т. – Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – М.; Л.: Худож. лит., 1928–1958.
 ЯПЗ – Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» // Литературное наследство. – М.: Наука, 1979–1981. – Т. 90, кн. 1–4.
 Д. – Добролюбов А. Сочинения. Из книги невидимой. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1983. – 239 с.

Литература

1. Азадовский К.М. Путь Александра Добролюбова // Учён. зап. Тарт. гос. ун-та. – 1979. – Вып. 459: Творчество А.А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сб. III. – С. 121–146.
2. Иванова Е.В. Один из «тёмных» визитёров // Прометей. – М.: Молод. гвардия, 1980. – Т. 12. – С. 303–313.
3. Иванова Е.В. Александр Добролюбов – загадка своего времени. Статья первая // Нов. лит. обозрение. – 1997. – № 27. – С. 191–229.
4. Кобринский А. «Жил на свете рыцарь бедный...» (Александр Добролюбов: слово и молчание) // Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы. – СПб.: Акад. проект, 2005. – С. 429–474.
5. Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. – СПб.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. – 155 с.

6. Федотова Н.Ф. Генезис примитивизма в русской литературе. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 164 с.

Поступила в редакцию
02.11.15

Тушев Андрей Николаевич, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *andpsy@yandex.ru*

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 183–189

L.N. Tolstoy and A.M. Dobrolyubov – Critics of Civilization and Art

A.N. Tushev

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *andpsy@yandex.ru*

Received November 2, 2015

Abstract

The paper deals with L.N. Tolstoy and A.M. Dobrolyubov's criticism of modern civilization and art. L.N. Tolstoy was renowned, especially in the late period of his life, by his hostility towards the culture of his time. The paper shows the key points of L.N. Tolstoy's criticism. L.N. Tolstoy sharply attacks the whole complex of social and cultural notions and institutions, which were influential in that period. He strictly rejects the fruits which progress brings to humanity if these fruits are not able to affect the most important, from his point of view, part of human life – the religious part. He contrasts the religious worldview with art and science. According to L.N. Tolstoy, the purpose of human life is in connection with others. From this position he criticizes art, science, state institutions and power. Some of these ideas correspond to the views of A.M. Dobrolyubov, which are set down in "The Invisible Book". Attention is also paid to the reasons that forced L.N. Tolstoy to acclaim A.M. Dobrolyubov's spiritual authority and to call him "a man living a Christian life".

Keywords: L.N. Tolstoy, A.M. Dobrolyubov, Russian modernism, criticism of modern civilization, criticism of science, religious worldview

⟨ *Для цитирования:* Тушев А.Н. Л.Н. Толстой и А.М. Добролюбов как критики цивилизации и искусства // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 183–189. ⟩

⟨ *For citation:* Tushev A.N. L.N. Tolstoy and A.M. Dobrolyubov – critics of civilization and art. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 183–189. (In Russian) ⟩